

После того как Хэ И обмолвился, что у него есть парень, он стал как можно реже показываться на глаза Чжэнь Кайнаню.

Староста тоже перестал искать с ним встреч, и та ненавязчивая, деликатная забота, которой Хэ И раньше был окружен, сама собой сошла на нет.

Запасы его бытовых мелочей начали таять с пугающей быстротой. Когда они изредка выбирались в столовую всей комнатой, и Хэ И отдавал свою карту Пэн Хаю, баланс на ней больше не уменьшался на какие-то фиксированные копейки. Пэн Хай особо не задумывался: хватал первую попавшуюся карту, а когда внезапно вспоминал, что у Хэ И туго с деньгами, и вовсе ничего с нее не тратил.

Чаще всего он вообще никуда его не звал — у этого парня было полно увлечений и друзей по всему университету, и, если бы не прямые просьбы старосты, он в общежитии и пяти минут не засиживался.

Чем больше времени проходило, тем яснее Хэ И понимал, сколько всего Чжэнь Кайнань делал для него молча, без лишних слов. И от этого становилось не по себе.

Популярностью он никогда не пользовался. В средней школе ему, правда, однажды подбросили любовное письмо — всего раз в жизни, от прилежной одноклассницы. Девочке нравился его голос, когда он читал вслух на утренних занятиях, нравился его силуэт, когда он катил на велосипеде, и то, каким воодушевленным он казался, выступая от имени класса на школьных собраниях...

Хэ И читал эти пылкие строки и едва сдерживал горькую усмешку. Милая девочка и не подозревала, что тот самый голос, которым он так красиво начитывал утренние тексты, дома регулярно сорванно визжал во время перебранок с соседями. Грязная ругань лилась из его рта рекой, почище, чем у базарных торговков. Велосипеды он тоже ненавидел — от узкого сиденья только яйца нещадно давило. А представителем класса он становился лишь по принуждению учителей: откажись он, его бы затаскали по кабинетам ради «воспитательных бесед».

Если он и выглядел чистым, невинным и равнодушным к девчонкам — в отличие от сверстников, у которых на лице было написано все их гормональное буйство, — то лишь потому, что его самого привлекали парни...

Ничего прекрасного в нем не было. Пылкое признание, хоть и предназначалось ему, на самом деле было адресовано какому-то выдуманному образу.

В старших классах все его мысли занимало только одно — как накопить на учебу в университете. Он резко вытянулся, оставаясь болезненно худым, и в общей душевой выглядел как бледный недокормленный цыпленок. Избегающий любых коллективных сборов, заиклившийся исключительно на зубрежке тестов, эгоистичный и замкнутый — он не стал изгоем только благодаря доброте одноклассников.

Хэ И искренне не понимал, зачем Чжэнь Кайнань так возится с ним. Перебирая в памяти каждую мелочь их общения, он не находил и намека на романтический интерес. Да и сам Хэ И с момента поступления ничем особенным себя не проявил: ни ярких черт, ни харизмы.

Подумав, он решил, что у старосты просто синдром спасателя. А эта его забота, напоминающая адресную помощь малоимущим, приносила обоим лишь какое-то жалкое, сиротское удовлетворение.

Приходилось задумываться о том, как жить дальше.

Наступали холода. Перед отъездом в Бэйчэн Хэ И выбросил почти все старое тряпье, так что из зимнего гардероба у него остались лишь одна приличная кофта да пара теплых курток. Здоровье у него сейчас было неважное, так что на зиму требовалось купить хотя бы одну по-настоящему теплую вещь.

Жизненные расходы тоже следовало урезать. В отделе поддержки студентов новых вакансий не предлагали — после того как он отказался от репетиторства, его временно вычеркнули из списков. К тому же нужно было готовиться к экзамену по английскому, так что лучше пока не высовываться из кампуса.

Раз уж не получалось увеличить доходы, оставалось только затянуть пояс и сократить траты до минимума. Для поддержания сил — одно яйцо в день ради белка, в остальном налегать на углеводы. Дешевле всего кормили в столовой Леса Учёных. Рис там не насыщал, поэтому в обед он решил брать по два паровых баоцзы.

По четвергам, когда стояла физкультура по выбору, можно побаловать себя: брать пару гарниров на раздаче дешевых обедов в Первой столовой. С мытьем тоже пришлось сэкономить: вместо платного общежитейского бойлера разводить в тазу немного горячей воды из термоса — лишь бы смыть грязь и не замерзнуть.

Главное — продержаться до зимних каникул, а там появится куча свободного времени для подработок. Если понадобится, он устроится сразу на несколько мест.

Приняв решение, Хэ И вскоре отыскал идеальное для себя место в библиотеке — на лестничной площадке запасного выхода в западном крыле, на самом последнем пролете, ведущем к чердачному этажу. В здании работали лифты и винтовые лестницы, а просторные читальные залы с мягкими зонами отдыха, кофейными автоматами и буфетами были настолько комфортны, что сюда почти никто не заглядывал.

Привыкший к одиночеству Хэ И сразу полюбил этот тихий, забытый всеми уголок. Здесь он проводил почти все свободное время. Если первые две послеобеденные пары были свободны, он с утра прятал в боковой карман рюкзака нехитрый обед — обычно пресные паровые булочки

и соленья. Они почти не пахли, так что он никого не стеснял и мог не уходить даже в обеденный перерыв.

Время от времени мимо него проходили преподаватели, направлявшиеся в архив на верхнем этаже. Перед учителями Хэ И испытывал какой-то робкий, почти детский трепет: слышав шаги, он тут же вскакивал, прижимался спиной к стене и стоял, опустив голову, пока прохожий не скроется из виду.

Однако со временем общения с местными сотрудниками избежать не удалось.

В первый раз это случилось, когда несколько преподавателей поднимались наверх за архивными папками. Услышав приближающийся гул голосов и шагов, Хэ И поспешно вскочил, но с непривычки покачнулся.

Мужчина, быстро шагавший во главе процессии, едва не врезался в него. Он строго спросил:

— Молодой человек, вы что здесь делаете?

— Читаю, — Хэ И поджал губы, глядя на него со сдержанной настороженностью.

Преподаватель нахмурился, окинул взглядом лежащий на цементе рюкзак и раскрытый учебник в руках парня.

— В залах полно свободных столов и стульев. На полу же грязно, да и простудиться недолго! — недоуменно выговорил он, а затем перевел взгляд на его одежду.

С наступлением холодов Хэ И постоянно менял всего две куртки. Хоть он и старался держать их в чистоте, верхнюю одежду не постираешь каждый день, и в давке она успела порядком помяться.

—... Опрятность тоже никто не отменял. О внешнем виде стоит заботиться.

Лицо Хэ И мгновенно вспыхнуло от стыда.

— Да ладно тебе, парню просто нравится тишина, — вмешалась шедшая следом женщина. — Пойдем скорее, скоро архив закроют, а нам еще коробки тащить.

Хэ И невольно поднял глаза. Это была строгая на вид женщина средних лет. Заметив его взгляд, она мягко улыбнулась и приветливо кивнула, будто давнему знакомому.

После этого они сталкивались на лестнице еще несколько раз. Страх Хэ И постепенно

улетучился, и он начал первым вежливо здороваться.

Он заметил, что эта строгая с виду женщина на самом деле очень любила улыбаться. Она поднималась в архив трижды в неделю, неизменно оставляя после себя тонкий, едва уловимый шлейф древесного парфюма. Одежда на ней порой повторялась, но шелковые шейные платки каждый раз были разного цвета и завязаны по-новому. Из разговоров коллег он узнал, что ее зовут госпожа Лян.

Как-то раз у нее, видимо, было отличное настроение. Поровнявшись с ним, она замедлила шаг.

— Здесь ведь сквозняки гуляют, неужели не холодно? — она приветливо улыбнулась, ничуть не смутившись его потертого вида, и заглянула в книгу у него на коленях. — На каком курсе учишься?

— На первом, — ответил Хэ И.

— Интересуешься юриспруденцией?

В руках у него действительно был учебник по праву. Хэ И подумывал о двойной специальности, но юридический факультет Университета А всегда неохотно принимал студентов со стороны. Ходили слухи, что в этом году правила смягчат, но Хэ И не знал, улыбнется ли ему удача.

— Да так... почитываю, — он смущенно улыбнулся. — Жизнь долгая, без знания законов легко остаться в дураках.

В его памяти до сих пор отчетливо звенел издевательский голос Ми Чжунцзюня: «Щегол, ты законы-то хоть знаешь?»

Госпожа Лян задумчиво посмотрела на него, понимающе усмехнулась и пошла дальше.

В день, когда на Бэйчэн обрушился первый снегопад, Хэ И свалился с острым гастроэнтеритом.

Болезнь подкралась незаметно, прикинувшись обычной простудой. Прямо посреди лекции Хэ И почувствовал, как к горлу подступает жар, голова наливается свинцом, и он провалился в тяжелое полузабытье. Когда он наконец разлепил веки, огромная аудитория опустела, лишь на самых задних рядах тихо шептались двое студентов.

Все уже разошлись. За окнами сгустились сумерки, зажглись уличные фонари, озарив пушистые сугробы мягким, сказочным светом. Едва держась на ногах от слабости и ломоты во всем теле, Хэ И побрел к выходу. Желудок сжимало спазмами. Кое-как добравшись до

ближайшей аптеки, он купил копеечные таблетки, проглотил их прямо на ходу и по привычке направился в библиотеку.

Там, на его любимом подоконнике, лежал плотный бумажный пакет. Ручки были аккуратно запечатаны скотчем, а сверху красовалась короткая записка:

«Хэ И, не мог бы ты решить эти тесты в качестве небольшой услуги? С уважением, госпожа Лян».

Он заглянул внутрь — там оказались два комплекта выпускных экзаменационных вариантов. Сил раздумывать не оставалось. Хэ И перебрался в общий читальный зал и, борясь с накатывающей сонной одурью, на одном дыхании заполнил бланки ответов.

В общежитие он вернулся непривычно рано. Ночь превратилась в кошмар: его полоскало и рвало наизнанку, хотя в пустом желудке давно ничего не осталось. Кое-как заглушив приступы лекарствами и теплой водой, он провалился в беспокойный сон.

К утру ему полегчало, и он вспомнил про тесты. Еще до открытия библиотеки Хэ И подкараулил госпожу Лян у дверей и протянул пакет.

— У тебя разве нет занятий? — удивилась она, но, присмотревшись к его бледному лицу, нахмурилась. — Постой, ты не заболел часом?

— Все в порядке, я принял лекарства, — Хэ И вложил пакет ей в руки. — Мне пора бежать на пары. До свидания, госпожа Лян!

— Подожди! — она легонько придержала его за рукав. — Как освободишься, найди меня здесь. Нужно поговорить.

Хэ И удивленно моргнул, но времени на расспросы не оставалось, и он, махнув на прощание рукой, припустил к учебному корпусу.

Расписание на утро было плотным — четыре лекции подряд в огромном потоковом зале, где собирались сразу несколько факультетов. Перед сессией двухсотместная аудитория ломилась от студентов. Преподаватель монотонно вещал, прохаживаясь между проекционными экранами, и его голос то приближался, то затихал в общем гуле.

Хэ И чувствовал, что его знатно лихорадит. На четвертой паре преподаватель оставил на доске задание и ненадолго вышел из кабинета.

Хэ И, содрогаясь от озноба, пытался разобрать собственные каракули в тетради, как вдруг по залу прошел странный шепоток.

Шум стих. В аудитории воцарилась мертвая тишина.

Хэ И недоуменно обернулся и замер: с галерки прямо к его ряду стремительно спускался Чжэнь Кайнань. Две сотни пар глаз наблюдали за ними затаив дыхание.

Из-за лихорадки мысли ворочались медленно. Хэ И оцепенело смотрел, как полы длинного черного пальто старосты взметаются при ходьбе. На лице Чжэнь Кайнаня читалась неприкрытая паника, а взгляд был намертво прикован к Хэ И.

Когда староста преодолел половину прохода, Хэ И словно током ударило. Очнувшись от ступора, он судорожно сгреб со стола учебники и бросился наутек через боковую дверь.

На улице бушевал ледяной ветер, швыряя в лицо колючую снежную крупу, которая забивалась под воротник и обжигала кожу. Хэ И бежал без оглядки, пока не долетел до библиотеки. Оказавшись на своем заветном последнем пролете, он прижался спиной к холодной стене и медленно сполз на бетонный пол, крепко прижимая к груди книги.

Он затаил дыхание, вслушиваясь в тишину. Сердце бешено колотилось о ребра.

В памяти невольно всплыло то давнее признание из средней школы.

Хэ И тогда ничего не ответил той девочке. Но порой, глухой ночью, когда одиночество становилось невыносимым, он доставал пахнущий лавандой листок. Перечитывал строчки снова и снова, а потом благоговейно прижимал бумагу к лицу — пытаюсь хотя бы на миг прикоснуться к тому далекому, безупречному Хэ И, которого видела в нем влюбленная школьница.

Время потеряло счет. Опомнился он только тогда, когда внизу зашумели толпы студентов, потянувшихся на обед. Хэ И вздрогнул: встреча с госпожой Лян!

Он кубарем скатился по лестнице, почти не надеясь застать преподавательницу, но госпожа Лян терпеливо ждала его у входа. На ней было элегантно бежевое шерстяное платье и кофейного цвета пальто.

— Забыл совсем? — мягко спросила она. — Я сегодня проверила твои листы. Потрясающе. Столько времени прошло после выпуска, а у тебя ни одной ошибки, чистый стопалльный результат.

— Задания были не слишком сложными, обычная школьная программа, — ответил Хэ И. Лоб его взмок от бега, влажная челка слиплась сосульками, но на бледном лице впервые за день заиграла робкая, мальчишеская улыбка.

Он виновато склонил голову:

— Простите, пожалуйста, я совсем потерял счет времени. О чем вы хотели поговорить?

Госпожа Лян достала из сумочки салфетку и протянула ему:

— Дело сугубо личное. Давай присядем в машину?

Первый снегопад, бушевавший сутки напролет, наконец утих. Хэ И кивнул и послушно устроился на пассажирском сиденье ее автомобиля.

— Хэ И, мне очень нужна твоя помощь, — госпожа Лян настроила дефлекторы печки так, чтобы теплый воздух дул в его сторону. — Мой сын сейчас в выпускном классе, и с учебой у него полная катастрофа. Я ищу ему репетитора. Как у тебя со свободным временем?

Хэ И растерялся:

— Репетитора? Для школьника?

— Именно, — кивнула она. — Знаешь, я ведь наблюдаю за тобой уже не первую неделю. Ты невероятно собранный, умеешь учиться сам — а это как раз то, чего моему оболтусу не хватает больше всего. К тому же ты первокурсник, школьную программу забыть еще не успел, так что лучшего наставника для одиннадцатиклассника не найти. Вчерашние тесты это только подтвердили.

Только сейчас до Хэ И дошло, что вчерашний внезапный экзамен был просто проверкой.

— Мы будем платить по рыночным расценкам. Студентам нашего университета обычно платят от двухсот до трехсот юаней за час. Мы готовы давать максимум — триста, — госпожа Лян бросила взгляд в зеркало заднего вида и плавно вывернула руль. — Но за такую ставку у нас будут свои условия.

В салоне стало тепло, и онемевшие пальцы Хэ И наконец начали согреваться. Сердце глухо застучало, разгоняя застоявшуюся кровь.

Триста юаней в час! Всего за десять занятий он получит три тысячи! А ведь сейчас весь его месячный бюджет укладывался в жалкую тысячу юаней!

— Вы требуете гарантированного повышения оценок? — поспешно спросил он.

— Рост оценок — само собой разумеющееся. Но главное в другом, — госпожа Лян неторопливо вела машину по заснеженной аллее кампуса. — Мой сын не живет в интернате, он каждый день возвращается домой. Время у него расписано поминутно, так что заниматься придется в обеденные перерывы и по вечерам. Не меньше двух часов в день. Схема такая: после пар ты

приходишь ко мне в библиотеку, мы едем к нам домой, обедаем или ужинаем всей семьей, а потом ты садишься с ним за учебники.

Хэ И опешил.

То есть... его еще и кормить будут бесплатно? Разве это требование? Это же чистой воды благотворительность!

— Я понимаю, что условия жесткие, — продолжала госпожа Лян, не дождавшись ответа. — Это отнимет у тебя кучу личного времени. Никаких тусовок с друзьями, отдыха, студенческих клубов...

Грудь Хэ И так и ходила ходуном от волнения.

Для обычных студентов полноценная студенческая жизнь действительно была на вес золота. Тот же Пэн Хай или Чжэнь Кайнань за такие деньги даже с кровати бы не встали — им бы и тысячи в час показалось мало. Но для людей обеспеченных и для тех, кто считает каждую копейку, жизнь течет в абсолютно разных плоскостях. Это были две непересекающиеся вселенные.

— Я согласен, — Хэ И глубоко вдохнул и твердо кивнул. — Друзей у меня все равно нет, в клубах я не состою.

Сказал — и тут же испугался собственной прямооты. Вдруг она подумает, что у него проблемы с общением, и передумает брать нелюдимого парня?

Но госпожа Лян лишь мягко рассмеялась:

— Вот и отлично. Мой Яньчжэнь — твоя полная противоположность. Характер у парня сейчас самый бунтарский. Если начнет отлынивать или хамить — сразу говори мне, я отцу скажу, тот ему быстро ремня пропишет.

Хэ И заметно расслабился и решил уточнить детали:

— А какие у него слабые места? По какому предмету он больше всего отстает?

— Да по всем, пожалуй. На последней контрольной по математике наскреб всего восемьдесят восемь баллов, — она бросила взгляд в окно и припарковала машину. — Когда сможешь приступить? Мне бы хотелось начать как можно скорее.

— В любое время! — Хэ И потянулся к ручке двери, вышел вслед за ней на улицу и застыл как вкопанный.

Они стояли у входа в университетскую больницу. Оказывается, катая его по кампусу, госпожа Лян целенаправленно везла его сюда.

— Сначала покажись врачу, — она заперла салон и махнула рукой в сторону жилого массива за корпусами больницы. — Наш дом прямо в том квартале. В следующий раз покажу дорогу.

Так Хэ И оказался под капельницей.

Доктор, осмотрев его, вынес неутешительный вердикт: острый гастроэнтерит на фоне сильнейшего истощения и нехватки питательных веществ. Прописав гору лекарств, врач устроил бедолаге знатный нагоняй за халатное отношение к собственному телу, после чего размашисто черкнул направление в стационар.

— Полежишь здесь. Прокапаться нужно минимум два дня, — тоном, не терпящим возражений, скомандовала госпожа Лян, указывая на свободную больничную койку.

Хэ И не посмел спорить. В конце концов, если он собрался учить выпускника, заразить его перед экзаменами было бы худшим началом работы.

Пока он укладывался, госпожа Лян уже вовсю отчитывала кого-то по телефону:

— Ты скоро будешь? Рисовый отвар захватил? Отвар, я говорю, а не сам рис! Ну что ты за ребенок такой, ничего поручить нельзя... Ладно, давай быстрее...

Хэ И недоуменно прислушивался к ее ворчанию. Вдруг у дверей палаты выросла высокая тень, и раздался веселый юношеский голос:

— Мам, ну кто же морит голодом больного? Одной водичкой сыт не будешь.

Крутя на пальце завязки пластикового пакета, в палату вальяжно зашел рослый парень и протянул ношу госпоже Лян.

— Ну-ка, покажи, где ты откопала этого унику...

Хэ Яньчжэнь шагнул из-за спины матери и оцепенел, столкнувшись взглядом с Хэ И.

Хэ И тоже вытаращил глаза от изумления:

— Ты?!

— Познакомьтесь, — госпожа Лян аккуратно поставила контейнер на тумбочку. — Это твой

будущий репетитор, студент Университета А, Хэ И. Хэ И, а это мой оболтус, Хэ Яньчжэнь. Пойдите... Вы что, знакомы?

Она с подозрением перевела взгляд с Хэ И на сына.

Яньчжэнь вытянулся в струнку, словно его поразило громом. Его лицо окаменело, а глаза испуганно забегали.

— Не-а, впервые вижу, — быстро выпалил он.

Хэ И моргнул. Ему показалось, что сейчас каждая пора на теле Яньчжэня беззвучно, но отчаянно вопила: «Молчи! Умоляю, не выдавай меня!»

— Нет, мы не знакомы, — подыграл Хэ И.

Яньчжэнь шумно выдохнул, заметно расслабил плечи и победно зыркнул на Хэ И, всем своим видом показывая: «Молодец, сообразил».

Хэ И тихо хмыкнул и с легким прищуром добавил:

— Так это у тебя, значит, по математике всего восемьдесят восемь баллов?

Яньчжэнь подавился воздухом.

<http://bllate.org/book/19702/1953349>